

ских государств, учитывая, что корни техники этого времени лежат не только в почве древнего Египта, но и в греко-римском мире.

В данном разделе не все главы и части написаны равномерно. Главы о сельском хозяйстве, ткацком ремесле и керамике выгодно выделяются среди других, изложенных чрезвычайно кратко. В главе о земледелии (стр. 254) уделено достаточно внимания классификации земель, причем автор в основном держится мнения Шнебеля¹. Ценным является указание (стр. 261) на севооборот и пар. Некоторое недоумение вызывает замечание, что «в древнем Египте частные лица также владели отдельными каналами» (стр. 256), хотя этого в предыдущем разделе нет, да едва ли и могло быть, так как для этого нет данных. Вызывает сомнение, что «жатва наступала примерно через 6 месяцев после посева» (стр. 267). Следовало бы объяснить термин «sagaki—поля» (стр. 267), описать действие «норага» (стр. 268).

В главе о строительном деле (стр. 288) очень желательно было бы, чтобы автор подробнее остановился на купольном своде, поскольку купол впервые появляется в Египте в коптское время. В связи с обработкой металлов интересно было бы осветить вопрос об обработке железа. Глава о ткацком ремесле представляет большой интерес. Она написана в основном на детальном изучении богатого собрания коптских тканей Гос. Эрмитажа. Интересна глава о керамике и стекольном производстве. Не останавливаясь на других главах данного раздела, укажу только на отсутствие главы о военном деле, которая в других разделах книги дана. Здесь было бы интересно наметить более четко, что именно сохранилось в технике от древнего Египта и что является привнесенным извне. С другой стороны, ценно было бы показать, какое влияние оказала техника древнего Востока (в частности, древнего Египта) на технику античных обществ.

В заключение следует отметить некоторую небрежность издательства, допустившего ряд опечаток и опечаток, искажающих иногда мысль автора. Например, на стр. 144 неправильно указано, что Нил прежде протекал к в о с т о к у от современного своего русла, вместо того, чтобы сказать—к з а п а ду; на стр. 211 «предпрядение» названо «предприятием»; на стр. 266 говорится о поливке поля «после жатвы» вместо «после посева» и т. д. По вине также, по видимому, издательства сняты некоторые рисунки и карты, что мною отмечено выше, а также произведено сокращение некоторых глав и отделов.

Несмотря на некоторые недочеты, книга, несомненно, является ценным вкладом в нашу науку о древнем Востоке, в частности в дело изучения древневосточной техники.

Н. Шолло

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ О РАСКОПКАХ НУМАНЦИИ (A. Schulten, Numantia, II. 1931)

Честь первых исследований Нуманции принадлежит, как известно, испанскому инженеру и археологу Эдуардо Сааведра, открывшему ее в 1853 г. С 1800—1866 гг. его работу продолжала Comision de Monumentos de Soria, а с 1905 г. в раскопках стал участвовать Шультен, включившийся затем в работу особой испанской комиссии, работавшей в Нуманции с 1906 по 1923 г. Предварительные итоги раскопок Шультен давал в «Jahrbuch des Deutsch. Arch. Inst.» (1905—1912 гг.) и в «Bulletin Hispanique», более же обстоятельно—в своей четырехтомной работе «Нуманция». Отдельные части последней появлялись неодновременно и непоследовательно: I том «Die Keltiberer und ihre Kriege mit Rom»—1914; III—«Die Lager des Scipio»—1927; IV—«Die Lager des Rehieblas»—1929. Второй том, посвященный исследованию самого города Нуманции, появился позднее всех потому, что нужно было использовать материал последних археологических работ, которые закончились в 1923 г.

¹ Sch ne bel, Die Landwirtschaft im hellenistischen Aegypten. 1925.

Вначале работа коротко вводит читателя в историю города. Впервые Нуманция упоминается Катонам в пятой книге его *Origines*, где он говорит о речи, которую держал перед войском на Кельтиберийском поле Нуманции в 195 г. до н. э. Затем Нуманция упоминается в договоре, заключенном Гранхом, отцом трибунов. В кельтиберийской войне 153—151 гг. Нуманция—главный город и убежище ареваков, живших к северу от Дуэро. В нумантийской войне 143—133 гг. она—во главе восставших племен к северу от Дуэро, в то время как Терманция была во главе племен, восставших южнее Дуэро. Во время этой войны римский консул Манцин, опозоренный римским сенатом, простоял обнаженным перед Нуманцией (137 г. до н. э.). В конце концов на осаду города был послан Сципион Эмилиан, разрушитель Карфагена. Разрушение Нуманции в 133 г. закончилось не только нумантийскую войну, но и великую освободительную войну кельтиберов. О том большом значении, которое придавали римляне завершению ее, говорит тот факт, что Сципион к своему прежнему прозвищу Африканского присоединил новое и стал называться также Сципионом Нумантийским. В течение I в. до н. э. город лежал в развалинах и не упоминался даже в связи с Серторианской войной. Вновь возрождается Нуманция при Августе; причиной этого было ее благоприятное положение на пути сооружения военной дороги к месту действия астурийско-кантабрийской войны и, кроме того, ее возрождением Август рассчитывал добиться симпатий кельтиберов. Однако в римское время город был очень мал и не играл уже никакой существенной роли.

Географическое положение Нуманции сходно с положением многих других иберийских городов. Лежит она на известняковом холме, находящемся в треугольнике между рекой Дуэро и небольшой речкой Мерданхо. Холм, несколько овальной формы, поднимается на 69 м над уровнем Дуэро. Окружность плато и вместе с тем древнего города 1100 м, площадь—7,6 га. К городскому холму примыкает меньший по размерам холм Самдилла, который представляет собой далеко выдвинутый вперед бастион города, имеющий так же, как и Нумантийский холм, довольно крутые склоны. Значение его заключается в том, что он господствовал над всей долиной реки Мерданхо. Город, таким образом, имел природную защиту в западной, южной, юго-восточной сторон, незащищенным же оставался северо-восточный подступ.

Прежде чем перейти непосредственно к характеристике укреплений Нуманции, описываемых Шультеном, нужно заметить, что для иберов, по сообщению античных авторов, характерна невероятно упорная защита своего города, защита до последнего человека и последнего камня; Конечный этап борьбы—битва у города, и это обстоятельство вызывало необходимость в сильных укреплениях. Последние характерны для многих иберийских городов: Германции, Аревалло, Вентозы и т. д., для Нуманции же в особенности, так как это был не обычный город, а главный город, последний оплот ареваков; из характеристики, которую дает Нуманции Аппиан, видно, что она имела не только политическое значение, но и значение опорного пункта целой области.

Одним из важных и наиболее древних укреплений были валы, опоясывавшие Нумантийский холм. Склоны последнего характеризуются наличием большого количества террас, возможно, искусственного происхождения и являющихся остатками древних валов, идущих в три и даже четыре ряда (рис. 1). Особенно высоки и широки они были в месте наиболее удобного подступа к городу, на северной стороне, где они идут в четыре ряда. Старые жители Нуманции сообщают о многочисленных валах, которые якобы окружали город, подобное же сообщение имеется в «*Annales de Navarre*» 1766 г. С течением времени валы превратились в террасы, следы которых существуют поныне. Первые нижние террасы поднимаются на 32 м от уровня Дуэро. Первый вал на севере образует разрыв в 20 м, причем отрезки вала взаимно перекрывают друг друга загнутыми крюкообразными флангами, образующими фланкируемую с валов систему входа. Второй ряд террас идет параллельно краю плато. На востоке он образует ворота, через которые можно попасть в своеобразную западную между второй и третьей террасами. Третий ряд террас на севере выходит из-под городской стены, из чего следует, что валы были построены не одновременно с возведением городских

стен, а раньше их, и являлись, таким образом, первоначальным видом укреплений. Подобные кольцевые валы встречаются во многих других иберийских укреплениях, в так называемых ситаниях. В общей сложности валы имели, вероятно, 5—6 разрывов, или ворот. Исследования же городских стен не дают материалов, которые говорили бы о существовании подобных пяти-шести ворот в них. Быть может, Шульгену и не следовало бы искать такого же количества ворот в стенах, так как некоторые ворота в валах могли вести не к соответствующим воротам в городской стене, а в своеобразные западни, где неприятель поражался воинами, засевшими на валах и стенах.

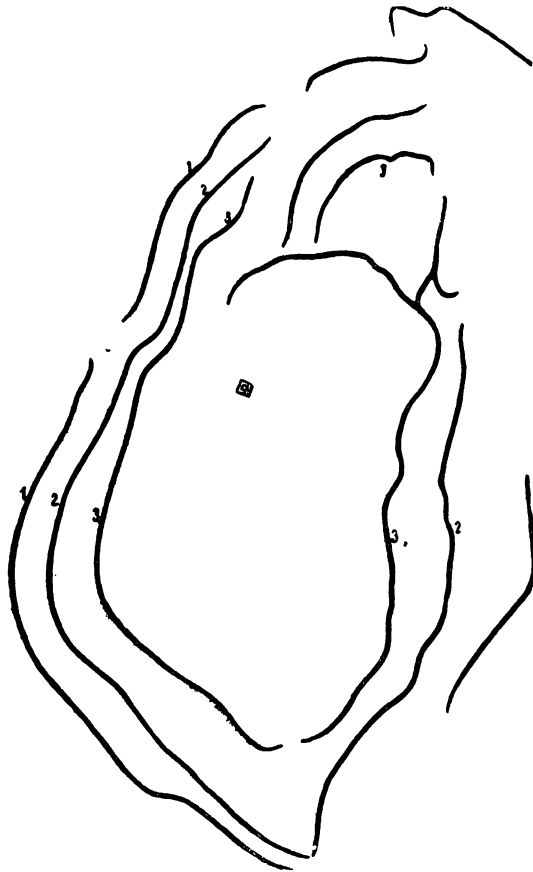

Рис. 1. Террасы и окружные валы на Нумантийском холме

Верхний город, находящийся на плато, был обнесен мощной оборонительной стеной. Средняя толщина ее равнялась 5 м, на севере же она достигала максимальной толщины в 8—10 м. Стена состояла из нескольких рядов крупных каменных блоков с забутовкой. Например на юге (рис. 2) внешний облицовывающий ряд ее достигает 0,60 м толщины, второй ряд, с забутовкой из крупных камней,—1,70 м, далее следует наполнение из мелких камней—2,50 м, наконец, внутренний ряд—1,10 м, являющийся одновременно стеной иберийских домов. Подобная многослойная стена представляет собой, вероятно, результат дополнительных построек различного времени. Недостатком работы Шульгена является то, что он, давая чрезвычайно подробное описание и измерение каждого слоя стены, не пытается проследить ее эволюцию во времени.

Городская стена имела каменный цоколь и, вероятно, надстройку из глиняного кирпича-сырца. Высота всей стены 3—4 м. Стены одного из иберийских городов—Свельякабраса, находящегося в 18 км к северу от Нуманции, до сего времени сохранили высоту в 4—5 м. На востоке к стене в Нуманции примыкала квадратная башня, имеющая в ширину 7 м и также 7 м в глубину. Подобные башни были в Нуманции, повидимому, и у западных ворот. Во всех случаях башня фланкировала правую, неза-

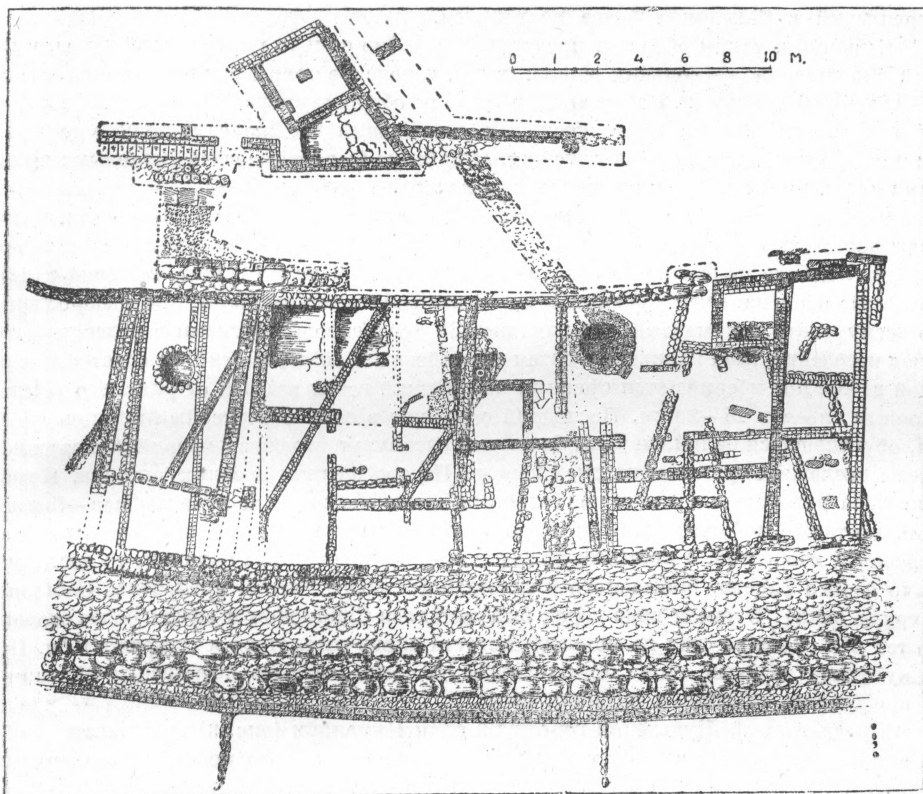

Рис. 2. Окружной ба квартал на юге.

щищенную сторону наступающего неприятеля. Замечательна линия стены на востоке: она следует естественному краю плато, но не непрерывными кривыми линиями, а мелкими прямоугольными отрезками длиной в 16 м, ватем в 26, 20, 13 м и т. д. Цель такого расчленения стены—чисто фортификационная, что свидетельствует об известном фортификационном искусстве нумантийцев.

При разрушении Нуманции римлянами ее городские стены сильно пострадали. При новом возрождении города при Августе стены утратили свое прежнее оборонительное значение, фундамент одних из стен стал служить в качестве улиц, а внутренняя часть других—каналом для сточных вод.

Помимо верхнего города, расположенного на плато и обнесенного стенами, в Нуманции был еще нижний город, лежавший на склонах холма. Исследования показали, что нижней городской стены никогда не существовало. Аппиан сообщает, что нижний город защищался оврагом и лесом и лишь единственное место, дорога вниз, было укреплено рвом и палисадом, т. е. нижний город, за исключением спуска на востоке, не имел искусственных укреплений.

Холм Саледилла, этот важный в военном значении бастион города, был укреплен двумя башнями. Одна из них, северная, имела прямоугольную форму, ее передняя

и задняя стороны были длиною по 10 м, южная—9 м, северная—7 м. Три стены башни имели значительную толщину—в 1,10 м. Четвертая стена башни, примыкающая к жилим домам, была толщиной в 0,70 м. Вторая, южная, башня была меньшей по размеру и имела не четыре, а лишь три стены: задней стены, обращенной к поселению, вообще не было. Обе башни отстоят друг от друга на расстоянии 12 м. В Саледилла, в отличие от Нумантийского холма, не было городской стены. Здесь примыкающие одна к другой задние стены домов заменяли собой оборонительную стену. Такой тип укреплений в Саледилла более первобытен.

Нуманция, таким образом, представляла собою сильно укрепленный город, имевший укрепления нескольких видов: валы, городские стены, ров и палисад,—все это значительной мощности. Кроме того, в систему обороны входили прилегающие к городу холмы. Эта система оборонительных сооружений все же сама по себе не могла бы противостоять натиску осаждающих, если бы не была обеспечена активными вылазками осажденных через многочисленные ворота.

Многолетние археологические исследования, проведенные в Нуманции, позволяют достаточно правильно и ясно представить себе характер поселения и планировку города. Удобное положение холма между реками привлекло к нему жителей в незапамятные времена, о чем говорят следы поздненеолитических поселений, разбросанные по всему плато и нумантийской равнине. За поздненеолитическими поселениями следуют поселения типа Галльштат, затем иберийский слой¹ и римский. Предисторический слой лежит под иберийскими стенами, иберийский город отделен от римского толстым горелым слоем в 25—30 см. Последний содержит в себе обожженный кирпич, черепки, обуглившиеся балки, снаряды баллист и катапульт, римское и иберийское оружие—следы последних трагических дней города. По сообщениям древних авторов, Нуманция была разрушена в 133 г. не только победителем храбрых нумантийцев—Сципионом, но также и бушевавшим пожаром. Так как нумантийские дома были покрыты деревом и хворостом, а стены их поддерживались деревянными балками, то достаточно было одного факела, брошенного в завоеванный город, чтобы превратить Нуманцию в груды пепла. В таком виде город был оставлен Сципионом и лежал более столетия до тех пор, пока не стал по приказу Августа вновь заселяться и отстраиваться. Промежуточный горелый слой помог, таким образом, открыть иберийскую Нуманцию и представить ее план и внешний вид.

Предлагаемый Шульценом городской план Нуманции (рис. 3) представляет собой компиляцию, составленную по различным материалам: сюда вошли планы археологических работ Шульцена и его помощника Коенена (часть квартала на востоке и юге, пять северных поперечных улиц—VI—X и западная продольная улица), затем планы различных испанских экспедиций, как старых—1861 г., так и новых—1906—1923 гг. План дает в известной степени полную картину города, хотя, в силу разнородности своих частей, может иметь отдельные неточности и имеет большие белые пятна, так как еще не исследована значительная площадь (исследовано 34 000 кв. м, остается не исследованной площадь в 50 000 кв. м).

С первого же взгляда в плане Нуманции можно выделить два элемента, резко бросающиеся в глаза: во-первых, широкий окружной квартал, примыкающий к городским стенам и следующий изгибам края плато, и, во-вторых, внутренние кварталы с очень четкой сеткой улиц.

Если с внешней стороны плато окружено городской стеной, то с внутренней оно опоясывается окружной улицей. Интервал между окружной улицей и внутренней

¹ Иберийским слоем Шульцен называет тот слой, в котором встречаются предметы оружия и обихода, типичные для иберийской культуры и идентичные, в известной степени, с находками на юге и юго-востоке полуострова. Это—кинжалы, мечи, наконечники копий, железные орудия и керамика. Последняя представляет собой утварь из хорошо обожженной черной глины черно-серого цвета или сосуда из тонкой красной и желтоватой глины, украшенные геометрическими рисунками и сценами из повседневного быта.

Рис. 3. План Нуманции

стороной городской стены равен 12 м, это вместе с тем и глубина домов, вплотную прилегающих к городской стене. Ширина улицы колеблется от 3—4 до 6 и даже 7 м. Особенностью ее является присутствие на ней переходных камней, что делает ее похожей на помпейскую (рис. 4). Там, где улица достигает значительной ширины, положены три переходных камня: по камню с каждой стороны улицы и один посередине, интервал между ними 0,70 м. Вдоль домов тянется тротуар шириной от 0,6 до 1,1 м. Приподнятость тротуара на 40 см и наличие переходных камней говорит о том плохом состоянии, в котором улицы находились зимой во время дождя и снега, когда мостовая становилась непроходимой.

Внутренняя часть города была распланирована с необычайной четкостью: здесь шли две продольных улицы и десять поперечных. Продольные улицы не параллельны

Рис. 4. Окружная улица с переходными камнями

друг другу и не столь прямолинейны, как поперечные. Обе они упираются в южные ворота, где почти сходятся. Их ширина от 4 до 6,55 м, длина восточной улицы—375 м, западной—350 м. Были они, вероятно, главными транспортными артериями города, так как несут следы обозного движения. Поперечные улицы дают более прямолинейные и четкие линии. Сообразуясь с овальной формой плато, они имеют различную длину. Помимо обеих продольных улиц, главной улицей была также пятая поперечная, так как она длиннее всех остальных (250 м) и, главное, ведет к западным воротам. Небольшое количество продольных улиц и множество поперечных объяснялось, вероятно, местными климатическими условиями. Очень злой северный ветер является и сейчас настоящим бичом местности. Для защиты от него продольные улицы следуют не точно по оси холма, а с некоторым отклонением к востоку. Поперечные улицы были более защищены от ветра и, кроме того, могли вобрать в себя наибольшее количество зимнего солнца.

Поразительно четкая планировка Нуманции согласуется с четким планом греческого города, построенного по Гипподамовой системе. В своей планировке с перевесом поперечных улиц Нуманция имеет сходство с малоазиатским городом Приеной, планировка которой относится к IV—III вв. до н. э. Если иметь в виду, что Приена—ионийский город и что Нуманция училась у ионических колоний восточной Испании, то будет понятно такое родство в планировке городов. По предположению Шультена (стр. 137) планировку внутренней части Нуманции можно датировать III в. до н. э. О том, что

нумантийцы учились у греков, говорит само строительное искусство: мощение улиц, наличие переходных камней и т. п. Ориентировка улиц, как и в греческих городах, согласуется с *natura loci*.

Материал для строительства города, применявшийся нумантийцами, находился в равнине и даже на самом холме. Это глина, известняк, мелкий и крупный песчаник «вакка». Камень, который шел на фундамент стен, цоколь домов, подвергался лишь очень незначительной обработке, едва отбесывался. Крупные блоки клались без всякого связующего материала, мелкие—на глине. Характерным строительным материалом для Нуманции являлся глиняный кирпич. Его размеры: длина 47—53 см, шири-

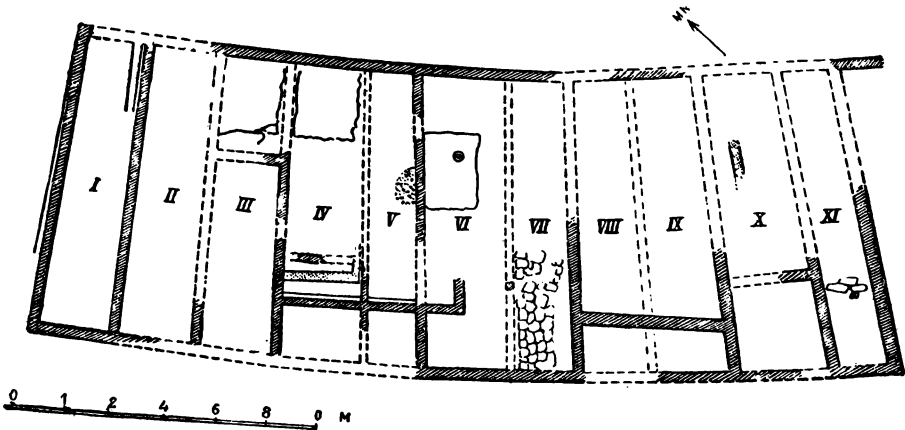

Рис. 5. Стены иберийского периода

на—29—30 см, толщина 9—14 см. Обычно он был необожженным, в качестве связующего материала применялись не известь, а глина. Применялось также дерево, которое шло на балки крыши. Структуру отдельных кварталов иберийского города можно подробно проследить по плану южного участка окружной улицы, раскопанной Шульте-ном в 1905 г. (рис. 2 и 5). Окружной квартал ограничен на юге городской стеной, на севере—окружной улицей. Внутренняя ширина квартала 12 м. На рис.5 представлен квартал иберийского периода. Каждая из стен, показанная на плане, представляет собой цоколь из бута или камня песчаника. Высота его 0,24—0,44 м, ширина 0,40—0,50 м. На цоколе, вероятно, покоилась глиняная стена. Длина каждой стены достигает 12 м, расстояние между внутренними стенами везде одинаково—2,80—3 м. По предположению Шультена, здесь имеется одиннадцать самостоятельных домов, каждый из которых разделен на 3 части. Внутри некоторых из домов были обнаружены погребки. На южном участке окружной улицы были обнаружены стены двух различных иберийских строительных периодов, о чем свидетельствует и различная ориентировка стен и строительный материал: цоколь стен первого периода—из песчаника, второго—из бута. Ввиду плохой сохранности стен трудно было установить и протяжение здания первого периода и интервал во времени между первым и вторым периодами, а также остается неизвестным, перестраивался ли во второй период целый город или только отдельные здания. Во всяком случае факт наличия перестроек уже в иберийской Нуманции довольно любопытен.

Раскопки остальных частей окружной улицы, проводимые и Шульте-ном и, в небольшой части, испанскими археологами, дали ту же картину, что и на южном ее участке: следовательно, весь окружной квартал состоял из таких же небольших домов, разделенных на три части. Подобный периферический квартал имеется и в других иберийских поселениях. Шультен, верный своей миграционной теории прихода иберов с юга, ищет аналогию подобного расположения домов по кругу главным образом у народов Африки, берберов; однако такой принцип расположения домов характерен и для мно-

гих других народов и появляется у них, быть может, на определенной стадии их развития, так что иберам и не обязательно было в данном случае учиться у берберов.

Внутренняя часть города, распланированная по греческой сетке, состояла из крупных кварталов, чаще прямоугольной формы. Каждый из таких кварталов или блоков состоял из двух рядов обычного типа небольших иберийских домиков, ориентированных с севера на юг и соприкасающихся задними стенками друг с другом. Подобное расположение домов имеется в Приене, что еще раз говорит о сходстве с греческим планом. Отдельный блок, в зависимости от своей формы и величины, вмещал от 20 до 64 домов. Обычная глубина блока 23—24 м, что равно удвоенной длине дома. Свободные от застройки площади найдены в очень незначительном количестве. Пока еще не обнаружено никаких следов публичных зданий, которые, конечно, имелись в Нуманции,

До сего времени несколько туманным остается вопрос снабжения города водой в иберийский период. В иберийских домах не было обнаружено цистерн, хотя они были в римских домах. Может быть, вода собиралась в каменные корыта или большие кувшины. Как бы то ни было, подход к Дуэро был вопросом жизни, поэтому нижний город простирался до самой реки, о чем говорят иберийские обломки, покрывающие южный и западный склоны холма. К тому же у Аппиана имеется указание на то, что город заполнял собой весь угол между реками.

Помимо плато городского холма, уже в иберийский период были застроены его склоны и нумантская долина, о чем свидетельствуют Аппиан и Орозий и говорит сам археологический материал. С ростом населения город стал распространяться на север и восток, где находились пашни нумантийцев и был наиболее свободный доступ к городу. Появились пристройки к внешней стороне городской стены и спорадически стали застраиваться, главным образом внизу, террасы. Везде археологические исследования обнаружили такие же узкие дома с погребями, покрытые горелыми пластами, как и на плато. Их следы обнаружены на террасах северного склона, восточного, южного и на холме Саледилла. Последний, вероятно, вначале представлял собой самостоятельное поселение. Застроен он периферическим рядом домов такого же типа и той же ориентировки, что и на Нумантском холме. Довольно любопытную картину представляет собой погреб одного из домиков на Саледилле. Он обычной глубины в 2 м, шириной 3 м и длиной в 6 м. В нем обнаружено интересное смешение эпох и вещей: позднеолитический каменный топор, архаические обломки и римские наконечники стрел. Подобное смешение могло бы произойти при перестройке города в римский период, как это было в Нуманции; однако в римский период на Саледилле поселения не было, о чем говорит отсутствие римских черепков и других предметов на холме. Смешение архаических и иберийских остатков заставляет предположить, что Саледилла перестраивалась в последнее время перед разрушением Нуманции римлянами.

Таким образом, на основании археологических материалов, сообщаемых Шультемом, можно сделать вывод о существовании двух первоначальных, однотипных и одновременных, поселений: Нумантский холм и Саледилла. С течением времени центр тяжести стал переноситься на Нумантский холм, представлявший собой топографически более удобный пункт в смысле обороны, что требовалось обстановкой. Это был, вероятно, период внутренней борьбы испанских племен и вторжения иноземцев: сначала карфагенян, затем римлян. Плато Нумантского холма превращалось в акрополь с надежными оборонительными укреплениями, причем в это время, может быть, строилась городская стена, опоясывавшая плато, заселялась центральная часть акрополя, о чем свидетельствует отсутствие там стен первого строительного иберийского периода. Город разрастался широко за пределы оборонительных стен.

Важным открытием во всех раскопках Шультема, как он сам считает, было открытие нумантского дома. Даваемое им описание и реконструкция дома заслуживают большого внимания. Размеры дома, как было уже сказано, очень небольшие—12×3—4 м. Стены состояли из каменного цоколя и глиняной надстройки. Ширина цоколя 0,35—0,50 м, высота от 0,50—1 м. Толщина глиняной надстройки 0,23—0,30 м, высота—0,60—1,40 м. Таким образом, первоначальная высота всей стены должна

быть, вероятно, 2—2,50 м. Глиняные стены укреплялись вертикальными балками и на них наносилась белая штукатурка, которая местами сохранилась на стенах дома и подвала. Дверь в дом находилась, видимо, над цоколем, так как в цоколе нет никакого промежутка для нее. То же самое надо сказать и о дверях внутри дома. В попытке реконструкции крыши помогла счастливая находка, обнаруженная в восточной части города. Здесь в узких домах поперек к их продольным стенкам лежали сильно обугленные и согнутые еловые балки; их длина соответствует ширине дома; очевидно, это—балки крыши. Незначительная ширина дома, по мнению Шультена, может объясняться тем, что более длинные балки нельзя было доставать. Крыша была, по-видимому, конусообразной формы, с высоким фронтоном, и так как дома стояли вплот-

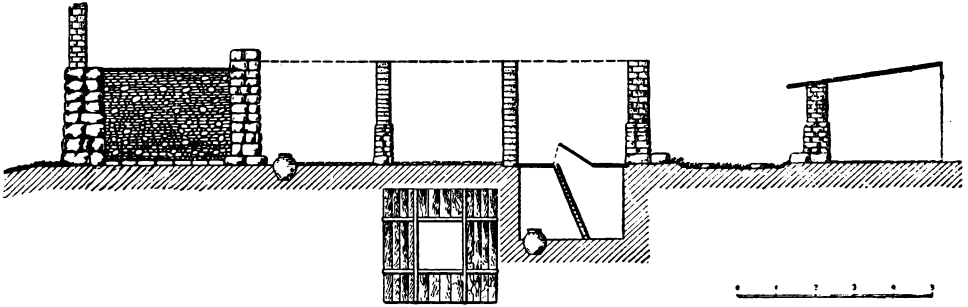

Рис. 6. Иберийский дом (в разрезе)

ную, то между ними были пространства для стока воды, образованные скатами крыши. На балки здесь накладывались хворост и глина, а для защиты от ветра клались камни.

Пол дома имел своеобразную облицовку, состоявшую из нескольких слоев: 1-й слой—подстил из черепков битых сосудов, 2-й—глинистый слой толщиной в 4—5 см, 3-й—верхний утрамбованный слой в 2 см толщины. Свет и воздух проникали в дом летом через дверь, зимой же нужны были окна. Так как дома соприкасались между собой задней и боковыми стенками, то окна могли быть только впереди, и если только они были, то это были, вероятно, всего-навсего небольшие отверстия. Еще и в теперешних деревнях этой местности окна для защиты от холода очень малы и довольно редки. Среднее и заднее помещения получали свет и воздух через промежуточные двери и очаг.

Погреб, за редким исключением, имеется в каждом доме и является его характерным элементом (рис. 6). Размер его соответствует величине комнаты, глубина его достаточна для того, чтобы в нем стоять. Вырезан он в земле, стены его никогда не были обложены камнем, как в римских цистернах, а обмазаны глиной или штукатуркой. Подвал был предназначен, вероятно, для запасов, о чем говорят вделанные в землю большие сосуды, но представлял собой также и зимнее жилище, судя по обнаруженным в нем очагам; в таком случае он мог дать более теплое убежище, чем дом с его тонкой стеной и плохой крышей, не способной выдержать напор сильного ветра. В подвал попадали по приставной лестнице, ибо из двухсот открытых погребов лишь в одном лестница была высечена в стене. Прикрывался подвал балками, в которых была падающая дверь размером в 1 кв. м, которая не мешала проходу в задние комнаты.

Средняя комната была, вероятно, главным помещением. Здесь находился очаг, от которого тепло и свет распространялись в соседние комнаты. Он довольно низкий—20 см в высоту, построен из больших плоских кирпичей размером 0,90×0,90 м или 1,15×1,15 м, иногда он вымощен цветными черепками. Дымоход был, вероятно, сделан из дерева и глины, как можно судить по аналогии с дымоходами, встречающимися ныне в этой области, а, может быть, дым выпускался прямо через отверстие в крыше. Последняя комната служила, вероятно, в качестве хлева. И сейчас в этой местности мелкий скот пребывает под одной крышей с семьей.

Корни происхождения иберийского дома уходят далеко—еще в преедисторическое время, к неолиту и бронзовому веку. Дом с погребом и очагом встречается во время распространения культуры латен, подобные дома встречаются в Микенское время, затем у фракийцев, галлов и т. д. Таким образом, нумантийский дом представляет собой довольно древний тип дома, восходящий к родовой стадии, сохранившийся в эпоху греческого влияния на строительное искусство иберов и доживший до римского времени. Открытие его является одним из главных достижений Шультена и испанских археологов, ибо до сего времени не было обнаружено никаких других построек, быть может, за единственным исключением: у подножья холма с южной стороны его обнаружен фундамент какого-то большого здания (длина 12,20 м, ширина 5,50 м) из большой каменной песчаника прямоугольной формы высотой в 0,5 м. Его длинная сторона обращена на с.-ю., широкая на в.-з. В середине западной стороны на расстоянии 5 м от каждого угла имеется вход шириною в 1 м. Здание состоит из двух частей, на которые его делит поперечная стена; пол вымощен плитами. О принадлежности его к иберийскому периоду говорят найденные здесь в большом количестве иберийские черепки. По предположению Шультена, это здание было нумантийским храмом, так как оно напоминало собой преедисторические культовые места, которые состоят из главного и дополнительного помещения и которые существовали на Сардинии, Мальте, Балеарах и в Северной Африке. Совершенно невыясненным остается вопрос о наличии некрополя—исследования местности вокруг Нуманции не дали никаких положительных результатов.

Несмотря на то, что еще остается нераскопанной значительная часть Нуманции и многие вопросы остаются неясными, тем не менее богатый материал, полученный в результате многолетних работ на территории Нуманции, дает возможность представить себе в известной степени и характер и масштабы иберийского города. Характер планировки и застройки говорит о довольно высоком строительном искусстве нумантийцев, об их умении сочетать свои местные, близкие им черты с чужеземными достижениями и методами строительства. Хорошо укрепленный и густо населенный город с прилегающей к нему равниной мог осуществить свое господство над целой областью по среднему течению реки Дуэро и вместить в себя те 20 тысяч воинов, которые, по сообщению Аппиана, защищали Нуманцию в последнем этапе ее борьбы с римлянами. Недаром вокруг Нуманции обнаружены—правда, разновременные—следы 14 римских лагерей, сжимавших героический город.

После разрушения Нуманции Сципионом город вновь возродился в эпоху Августа. О возникновении и существовании его в императорское время говорят многочисленные находки черепков, монет, идущие от эпохи Августа до IV в. Нуманция римского периода представляла собой незначительное поселение, лишенное всяких укреплений, она ограничивалась лишь плато Нумантийского холма и не простиралась до Саледиллы, на которой нет никаких следов римских поселений. Городские стены, утратившие свое прежнее фортификационное значение, частью сохранились, несколько возвышаясь над окружной улицей, местами же их основание превратилось в мостовую, а внутренняя часть—в канал. Римская сетка улиц в своих основных линиях совпала с иберийской, но улицы были расширены на 1—2 м, а иногда улице в 3—4 м придавалась ширина в 6—7 м. Уровень улиц был несколько поднят, мостовая была более правильной формы, тротуар шире, и так как разница в высоте между мостовой и тротуаром становилась незначительной, то были уничтожены переходные камни. В римский период применялся новый строительный материал лучшего качества—бут вместо песчаника, камень связывался известковым раствором, ранее не применявшимся. Крыша имела более основательное покрытие—она крылась кирпичом, а стены домов были толще.

Исследования обнаружили два строительных периода в Нуманции римского времени. В раннеримский период особенно велика связь с Нуманцией иберийской: по аналогии с жилищами этого периода строились дома длиной в 12 м, правда, иногда несколько большей ширины—в 4—5 м. В римское время сохранился окружной блок домов, состоящий из узких и разделенных на три части домов, как в старой Нуманции. В центре города оставалось деление внутренних блоков на две полосы с последующим

делением их на узкие, длинные дома. Изменение заключалось в том, что домам придавали большую ширину, вместо 2—3 м — 4,5 м, т. е. из двух иберийских домов получался один римский. В позднеримский период видна большая романизация, сказавшаяся в появлении построек нового вида. На месте нескольких небольших домов появляется помещение римского типа. Так, например, на небольшом южном участке окружной улицы вместо одиннадцати иберийских домов (рис. 5) появилось только три дома (рис. 7). Особенностью домов позднеримского периода является наличие в них цистерн. Чаще всего они имеют круглую форму с диаметром 1,50—2 м, глубиной в 2—3 м. Внутри они выложены камнем; иногда они связывались с улицей посредством

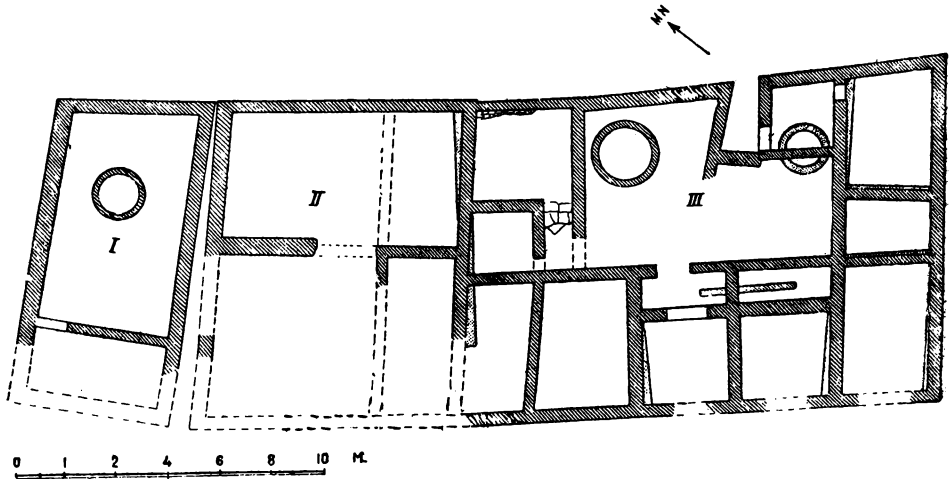

Рис. 7. Стены римского периода

канала. Шультен находит в римской Нуманции следы римских терм, а между продольными улицами и центральными поперечными (четвертой, пятой) предполагает наличие форума.

В окрестностях Нуманции были обнаружены следы трех больших построек или вилл. Одна из них находилась на севере, на месте лагеря Сципиона; ее размеры 22 м × 11,5 м, напоминает она план дома III на рис. 7. Постройка возведена чрезвычайно тщательно, из известкового камня, положенного без всякого связующего раствора.

Две другие постройки—подобного же типа.

Нуманция римского времени была, видимо, очень незначительным провинциальным городом. О ее бедности говорит отсутствие мозаичных полов, росписных стен, мраморных инкрустаций, столь частых в других римских городах Испании.

Работа Шультена представляет собой хороший образец обобщения и суммирования материала многолетних археологических исследований и дает пример коллективной работы различных специалистов: так, здесь мы видим прекрасное геологическое описание местности, составленное геологом Презентом; характеристику находок, написанную Паульсоном; план города, дегализованый генералом-топографом Ламереном, и профильные листы, составленные сотрудником Шультена Коененом. Недостатком работы является то, что характеристика находок, описание керамики, оружия совершенно оторваны от анализа стен, зданий и т. п. Затем автор, следуя миграционной теории, расчленяет археологические памятники по различным народам, бытовавшим, по его мнению, в Нуманции, что мешает полностью представить себе город иберийского периода. Недостаточными являются исследования, касающиеся датировки различных объектов.

Археологические материалы, добытые экспедициями Шультена и других ученых, не дают пока возможности точно найти источник удивительной силы сопротивления Нуманции, с успехом противостоявшей многие годы непобедимой тогда римской армии.

Заступ археолога в будущем поможет найти новые памятники героизма и беспримерной в истории древнего мира стойкости и упорства нумантийцев.

Г. А. Цветаева

И. Б. ЗЕЕСТ. Пракситель. Издание Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва. 1941, 48 стр., 16 рис. Цена 3 р. 25 к.

С удовлетворением можно отметить появление в свет популярной брошюры, посвященной творчеству великого афинского скульптора. Советский читатель, с интересом изучающий произведения античного искусства по оригиналам и копиям наших музеев, должен получить руководства, способные осветить и приблизить к нему творения древних мастеров. Форма небольшой монографии, охватывающей незначительное количество выдающихся памятников, особенно хорошо подходит для этой цели.

Внешнее оформление книжки, ее размеры, формат и выполнение иллюстраций следует, на наш взгляд, признать безусловно удачными. Удачен и выбор темы для первого выпуска, так как творения Праксителя, которые обращаются непосредственно к чувству зрителя, ближе и доступнее для современного человека, чем условная пластика архаики и обобщенные, величавые образы искусства V в. Общей положительной оценки заслуживает, по нашему мнению, и текст, хотя в него следовало бы внести некоторые, подчас весьма существенные коррективы. Автор дал доступное для читателя-неспециалиста изложение сложной темы, проявив мудрое самоограничение в выборе привлекаемых памятников. Описания статуй составлены толково и ясно, без увлечения трудно усвояемыми понятиями и второстепенными деталями, всюду выдвинуты на первый план основные, характерные для мастера художественные способы выражения и мотивы, благодаря чему облик великого афинского скульптора вырисовывается достаточно рельефно.

Освоив материал, автор во многих случаях не проявил, однако, должного критического к нему отношения. Это сказалось в ряде слишком уверенных утверждений, касающихся биографии мастера, а также в построении хронологии произведений Праксителя без достаточных для этого данных. Тот же недостаток проявляется и в некоторых упущениях при описании памятников. Так, знакомя читателя с ватиканской статуей Афродиты Книдской, автор не указывает на то, что голова здесь неправильно приставлена к туловищу, отчего значительно меняется впечатление, производимое статуей. Вообще следовало бы более отчетливо говорить об искажениях греческих оригиналов античными копистами и реставраторами нового времени. Мы боимся, что это упущение будет причиной многих недоумений со стороны читателя. Давая, например, воспроизведение статуи Афродиты из Арля, где богиня представлена с рукоятью меча в левой руке и с яблоком в правой, автор в описании (стр. 24) говорит, что богиня смотрит в зеркало, которое она держит в левой руке, поправляя в то же время правой рукой прическу. В примечаниях, правда, указывается, что правая рука неправильно реставрирована, но что подумает читатель о левой руке с рукоятью меча? То же и относительно дрезденской статуи сатира, наливающего вино. Мотив статуи правильно описан в тексте, на стр. 17: «в высоко поднятой правой руке он (сатир) держит сосуд и льет из него струю вина в чашу, которую он придерживает левой рукой», но в воспроизведении статуи никакой чаши в левой руке не оказывается.

Как было указано выше, мы считаем большой заслугой автора отказ от анализа большого количества статуй, приписываемых Праксителю, и построение своего изло-